ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Дагне Бержайте

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Леониду Егоровичу Оболенскому (1845–1906), известному публицисту, беллетристу, философу, литературному критику, редактору и издателю журнала *Русское богатство* (1882–1892), явно не повезло с памятью потомков[1]. Его имя даже не упоминается в БСЭ. Одни монографии по истории русской литературной критики и журналистики Оболенского называют «второстепенным литератором», а его журнал *Русское богатство* – «переживающим значительный упадок»[2], другие всячески подчеркивают ограниченность литературно-критического метода Оболенского[3]. Такое отношение к Оболенскому не только непонятно, но и неоправданно даже с учетом всех идеологических факторов[4].

Оболенский приступил к литературно-критической деятельности в начале 80-х годов. Первые его статьи были опубликованы на страницах журнала *Мысль*, которым он руководил с 1881 по 1883 г. Они и положили начало систематическому изучению Оболенским как современного ему состояния русской литературы, так и ее наследия и, в первую очередь, наследия Ф. М. Достоевского.

Имя Достоевского особенно важно для Оболенского. Именно его произведения способствовали созданию этико-философской концепции Оболенского, которая неоднократно обсуждалась в *Вопросах философии*, *Философском ежегоднике* и в других изданиях конца XIX-о века. Кстати, в 80-е годы именно философские статьи Оболенский стал

[1] В этом плане, наверное, не повезло и всей русской литературной критике. Кто сегодня помнит имена Волжского, Протопова, Скабического или Соловьева (псевдоним «Андреевич»)? Белинского, как «'лабораторно чистое' явление критика» (Ю. Никуличев, «Век шествует путем своим железным», *Вопросы литературы* 2, 2002, 126.), конечно, знают, все, но назвать такую память везением вряд ли возможно. На долю немногих выпало такое количество враждебных суждений: достаточно вспомнить хотя бы книгу *Спор о Белинском*, опубликованную в 1914 г. Ю. Айхенвальдом.

[2] Б. Есин, *История русской журналистики XIX в.*, Москва: Высшая школа, 1989, 172.

[3] Б. Летов, «Русское богатство», *Очерки по истории русской журналистики и критики* 2, Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1965, 416.

[4] Если бы не диссертация И. А. Книгина «Литературно-критическая деятельность Л. Е. Оболенского» (Свердловск, 1987), дореволюционные энциклопедии были бы единственными источниками, предлагающими сравнительно скупые, но все же объективные сведения о личности и деятельности Оболенского.

считать самой важной частью своей деятельности[5].

Достоевскому, как известно, при жизни не везло с литературно-критическими оценками, хотя о его произведениях писали почти все ведущие литературные критики того времени: В. Г. Белинский, В. Н. Майков, Ф. В. Булгарин, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, Н. Н. Страхов, Н. К. Михайловский. Однако в конце жизни Достоевский в одном из писем с горечью писал: «Критика, печатная литературная критика, даже если и хвалила меня (что было редко), говорила обо мне до того легко и поверхностно, что, казалось, совсем, не заметила того, что решительно родилось у меня с болью сердца и вылилось правдиво из души»[6]. Но стоило писателю уйти из жизни, как ситуация вокруг его литературного наследия стала резко меняться.

Принято считать, что начало новому, теперь уже восторженному восприятию творчества Достоевского положил В. С. Соловьев, сразу после смерти писателя назвавший его «духовным вождем русской нации». Идея о своеобразии «профетизма» Достоевского, выдвинутая В. Соловьевым, была подхвачена В. В. Розановым, а вслед за ним Д. С. Мережковским, А. Л. Волынским, Н. А. Бердяевым, В. И. Ивановым и другими представителями русской религиозно-философской мысли рубежа веков. Так же принято утверждать, что именно благодаря им, их мыслям по поводу творчества Достоевского, на смену уже сложившейся литературной критике, профессионально сосредоточивавшей внимание собственно на самом литературном процессе, пришло явление, уже не вмещавшееся в традиционные рамки литературной критики, явление, к которому лучше подходит обозначение русской философии[7]. В связи с этим и уместно вспомнить Оболенского, литературно-критическая позиция которого отражает этот переходный характер.

Уже в февральском номере журнала *Мысль* за 1881 г. в статье-некрологе «Над гробом Достоевского» критик писал: «Не пройдет и десятка лет, как произведения Достоевского станут известны всему миру, потрясут до глубины души чуждые нам народы, будут изучаться в течение веков»[8]. Хотя в статье прямо и не говорилось о пророческих возможностях Достоевского, тем более о «предчувствии Достоевским истинного христианства», все же главное о нем было сказано – этого

---

[5] Оболенский под псевдонимом Красова был в свое время известен и как автор художественных произведений в прозе и в стихах. Своими романами *За идеалом*, *Без маяка*, повестью *Контрасты*, фантастическим рассказом *Море*, поэтическим циклом *Последние поэмы* он словно стремился «восполнить» пустоту, образовавшуюся в отделе беллетристики журнала. Это сразу было замечено его оппонентами. Например, журнал *Северный вестник* под рубрикой «Новые книги» писал: «Если бы у г. Оболенского был талант, он был бы талантливым поэтом. [...] Еще Белинский сказал, что «посредственность в стихах нестерпима», и вот об этом-то, об этой «нестерпимости» плохих стихов мы и рекомендуем г. Оболенскому вспомнить. Зачем отпугивать людей. [...] Остается пожелать, чтобы «Последние поэмы» Оболенского оказались действительно последними его поэмами» (*Северный вестник* 5, 1988, 106).

[6] Ф. М. Достоевский, *Полн. собр. соч. в 30-ти т.*, т. 30 (1), Ленинград: Наука, 1988, 148.

[7] В. А. Недзвецкий, *Русская литературная критика XVIII–XIX веков*, Москва: Издательство Московского университета, 1994, 179.

[8] Л. Е. Оболенский, «Над гробом Достоевского», *Мысль* 2, 1881, 228.

писателя будут читать во всем мире[9]. В. Соловьев, как известно, уже после него выступил со своими «Тремя речами в память Достоевского» (1881–1883), не говоря уже о датах всех предсказаний великого писательского будущего В. Розановым или Д. Мережковским[10].

Может быть, сегодня не так важно, кто первый разглядел в творчестве Достоевского то, что не перестает волновать читателей многих последующих поколений. Но это не могло быть неважным для современников и многочисленных поклонников таланта Достоевского, безнадежно ожидавших сначала вместе с писателем, а потом и без него, хотя бы малейшего признания от беспощадных критиков. Только по одной этой причине можно было бы смело объявлять Оболенского тем, кто «поднял» первую волну увлеченности творчеством Достоевского.

С непосредственным толкованием творчества Достоевского можно познакомиться в двух статьях критика: «Муза Достоевского и муза Тургенева» (1884, № 9) и «Ученик», новый роман Поля Бурже как отражение во Франции идей русских беллетристов (Достоевского)» (1889, № 10). Но имя Достоевского, его идеи и образы обсуждались почти в каждой статье критика. Наверное, никогда еще толстый журнал не был так «пропитан» духом идей Достоевского, как *Русское богатство* в период руководства им Оболенским. Такие важнейшие его публикации как «Искусство и тенденциозность» (1883, № 5–6); «О свободе воли» (1884, № 3), цикл статей «Что такое прогресс?» (1885, № 1–2); «Основы морали любви» (1885, №3); «Идеалы современной жизни и литературы» (1885, № 10); «О причинах падения нашей литературы» (1889, № 1) – все, так или иначе, опирались на творчество Достоевского. Более того, благодаря критику и редактору *Русского богатства* были напечатаны знаменитые записные книжки Достоеского, переданные в журнал вдовой писателя. Читатель тогда впервые смог прочитать теперь уже наизусть всеми цитируемые важнейшие мысли Достоевского о религии и свободе совести («...им не снилось такое сильное отрицание Бога, которое положено в «Инквизиторе»), о своеобразии писательского мастерства («Меня зовут психологом, – неправда, – я лишь реалист...»), о нравственности («Нравственный образец и идеал есть у меня – Христос...», о литературной честности («Я, как и Пушкин, слуга Царю...»)[11] и т. д.

Проблема наличия идеала в жизни отдельного человека и всего общества, субъективного и объективного – центральная в этико-философской концепции Оболенского. Не исключено, что выбор

[9] Н. К. Михайловский в своей нашумевшей статье «Жестокий талант» (1882) тоже обратил внимание на тот факт, что, возможно, читатели будущих поколений найдут в творчестве Достоевского то, что пока неспособны увидеть его современники: «Может быть, – писал он, – спустя долгое время, при совершенно других условиях жизни его (Достоевского) вспомнят и упьются им до опьянения, особливо, если явятся продолжатели, толкователи... (Н. К. Михайловский, «Жестокий талант», *Статьи о русской литературе XIX-начала XX века*, Ленинград: Художественная литература, 1989, 181)

[10] «Легенда о великом инквизиторе» В. Розанова была опубликована в 1891 г.; дилогия «Лев Толстой и Достоевский» Д. Мережковского – в 1900–1902 г.

[11] Темы подобраны по классификации Оболенского (Ф. М. Достоевский, «Из записной книжки Достоевского», *Русское богатство* 1, 1883, 1–6.)

подобной проблематики был продиктован мыслью Достоевского о том, что «... без идеалов, т. е. без определенных, хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пущей мерзости»[12]. Оболенский, который, видимо, полностью соглашался с этим высказыванием, в своих статьях продолжил суждения на тему идеала. По мнению Оболенского, жизнь не остановится, если в ней не будет идеала, который он определял как «выражение общей, разработанной критикой, разумом и опытом разумно-сознательной жизненной цели»[13]. Но отсутствие идеалов скажется во многих сферах жизни, в том числе и на литературе: ее уровень значительно снизится. По Оболенскому, появляющаяся многочисленная безыдейная, в основном, «ремесленная» литература «забивает мозги миллионов наивных, доверчивых людей всевозможными гнусностями, пошлостями, а между тем, в эту массу не доходит ни одного луча света из идейной литературы», тогда как цель литературы, – «приспособить общество к лучшим идеям и принципам, поднимать его нравственное и гражданственное развитие»[14].

Оболенский один из первых в русской литературной критике заговорил о падении идейного уровня современной ему литературы. Можно даже утверждать, что он и начал всеобщий разговор на эту тему, хотя в 80-е годы проблема снижения идеалов как в жизни, так и в литературе еще не получила того всеобщего распространения, которое будет характеризовать период непосредственного рубежа веков (конец 90-х – само начало первого десятилетия нового века). Тогда, на рубеже веков, уже все пишущие, независимо от литературных и идеологических пристрастий, будут винить в отсутствии больших литературных талантов эпоху безвременья, похоронившую старые идеалы еще до зарождения новых[15]. Это, в свою очередь, и станет одной из основных причин всеобщего «возвращения» к Достоевскому.

Оболенский уже в начале 80-х г.г. обратился к творчеству писателя, ибо оно одно, с его точки зрения, – то немногое, что способно открыть глаза человечеству на его будущее. Оболенского более всего в наследии Достоевского привлекал выдвинутый им в качестве идеала образ Христа. Этот образ, каким его создал писатель, оказался для философствующего критика тем возможным единственным идеалом, «во имя которого могло бы работать все общество, на почве которого могли бы сходиться все течения.

[12] Ф. М. Достоевский, *Полн. собр. соч. в 30-ти т.*, 22, 1981, 75.

[13] Л. Е. Оболенский, «Идеалы современной жизни и литературы», *Русское богатство* 10, 1885, 153.

[14] Л. Е. Оболенский, «О причинах падения нашей литературы», *Русское богатство* 1, 1889, 209–210.

[15] В 1894 г. Н. К. Михайловский в статье, написанной для французского журнала *Revue des Revues* и предназначенной для публики, мало знакомой с русской литературой, напишет: «У настоящего поколения нет идеала и оно даже не знает, где его искать. (...) Русская литература сделалась тусклой и печальной, как осенние дни нашей родины» («Литературное движение в России», *Заря жизни* 43, 1911, 3–4); Д. С. Мережковский о ситуации, сложившейся как в литературном процессе, так и в общественной жизни России рубежа веков, напишет следующее: «Такого страшного ощущения бездны, как у нашего поколения, не было ни у одного поколения со времени Петра» (*Лев Толстой и Достоевский*, Спб.: Мир искусства, 1901).

Мы видим, – писал критик, – в современных обществах обратное: вражда друг против друга разных течений растет, обостряется [...], мешая друг другу, противоположные идеалы тянут общественный воз в разные стороны»[16].

Свои суждения на тему единого идеала, необходимого для современного ему общества, Оболенский изложил не в одной статье. В одной из них читаем: «Идеал Христа никто не сочтет абсолютно достижимым, но раз считают возможным приближение к нему, идеал остается идеалом. Мне кажется наоборот, идеал никогда не должен казаться достижимым. Возможно только приближение к нему»[17]. В другой статье, написанной через полгода, «Муза Достоевского и муза Тургенева» критик уже объяснял свои мысли на конкретных примерах из творчества Достоевского: «Достоевский верил в идеал такого общества, где религиозная экстатическая любовь людей к друг другу могла бы заменить все стимулы внешнего принуждения и формальные обязанности, т. е. где человек был бы абсолютно свободен, потому что его воля сковывалась бы только собственным внутренним стимулом любви и альтруизма, стоящим в связи с идеей Бога – любви, или Христа, воплощающегося в этой любви, а через нее и в целом обществе. Попытки изобразить в миниатюре психологический строй такого общества мы видим на отношениях старца Зосимы к Алеше. [...] Трудно себе вообразить идеал более высокий теоретически»[18].

Суть альтруистического идеала Христа, пусть и недостижимого, по Оболенскому, состоит в любви, в жалости и в сострадании. Это не просто этические категории, это – главные свойства мировой сущности, ноумена, Бога. Только любовь, жалость и сострадание и могут служить критерием человеческого поведения. Вся альтруистическая мораль, вытекающая уже из первичного свойства органической материи, для конкретного человека, отдельного субъекта не мыслима без страдания. Следуя мысли Оболенского, всем людям свойственные чувствования, побуждения, действия зависят, прежде всего, от испытанного ими страдания. Этой теме Оболенский уделил особое внимание и, как может показаться, явно не без влияния Достоевского. «Страдание, – писал критик, – есть манометр какой-либо ненормальности и поэтому служит самосохранению, улучшению, исправлению, а, следовательно, и прогрессу. Анестезия, уничтожающая ощущение болезненности, полезная в редких исключительных случаях, была бы прямо гибельной.»[19]

Достоевский, с точки зрения Оболенского, одним из первых понял цену и значимость человеческого страдания. Изображение человеческих мук, так часто встречавшееся в произведениях писателя, и есть сильнейшая сторона его творчества. Но, как известно, именно эта сторона его творчества отпугивала многих современников писателя от чтения романов Достоевского, а некоторых критиков, прежде

[16] Л. Е. Оболенский, «Идеалы современной жизни и литературы», 155.

[17] Л. Е. Оболенский, «О свободе воли», *Русское богатство* 10, 1884, 645.

[18] Л. Е. Оболенский, «Муза Достоевского и муза Тургенева», *Русское богатство* 9, 1884, 525.

[19] Л. Е. Оболенский, «Что такое прогресс?», *Русское богатство* 2, 1885, 370.

всего Н. К. Михайловского, заставило резко высказаться против идей писателя. Оболенский писал по этому поводу как никогда эмоционально: «И вот это-то было еще на днях, в одной из газет, со слов другого критика, – названо «жестокостью его таланта»! Жестокостью в газете, очевидно, названо то, что он (Достоевский) знал, на собственном каторжном теле знал, как способен мучить человек человека, как трудно расплавить жестокую кору его сердца, чтобы проснулась эта великая, присущая ему искра человечности, что он считал немыслимым расплавить эту кору легкими приемами сострадания и жалости. И вот этот человек, который тем более сострадал людям, чем более он перестрадал сам, он обвиняется в жестокости за то, что, вкладывая в свой труд всю свою измученную душу, переживая сам вновь чужие муки, чтобы дать их глубже и сильнее почувствовать другим, забывая себя, свой надорванный болезнью организм, который почти после всяких таких строк падал пораженный ужасным припадком, – этот человек, писавший соком своих нервов и кровью сердца, действительно и буквально приносивший в этих строках в жертву людям свою жизнь [...] лишь бы убедить людей, что они люди, что они способны к человечности и что в этой человечности лежит счастье, высшее самой жизни, – этот-то человек был жестокий талант! [...] Разве можно назвать жестоким, если человек заставляет нас пережить то страдание, которое называется состраданием? Да кто же не знает, что сострадание есть величайшее блаженство. [...] Научить людей любить и сострадать, научить их верить в себя самих и в человечество, заставить их пережить минуты душевной боли за другого, это не значит мучить их, это значит, открыть и дать им величайшее блаженство в жизни [...], это значит открыть и дать им не только личное блаженство, но и источник общественного блага, т. е. новый могучий стимул деятельности на благо других, а стало быть, и для общественного развития: такова жестокость Достоевского!»[20].

Без сомнения, эти суждения критика были направлены против концепции Н. К. Михайловского, в статье «О Писемском и Достоевском» (1881) выступившего против тех, в частности А. Ф. Кони, кто считал, что Достоевский в своих произведениях всячески восхвалял необходимость страдания, то, с чем, наоборот, с точки зрения Михайловского, нужно бороться, что необходимо уничтожать любыми способами.

Оболенский, как видим, вмешался в эту литературно-критическую полемику и тем самым повлиял на других (С. А. Венгерова, Д. Н. Овсянико-Куликовского, Д. Шестова и др.), кто также в последствии не смог промолчать из-за выдвинутого Михайловским определения таланта Достоевского[21].

Оболенскому никогда не было свойственно, в отличие от его литературно-критических предшественников, резко высказываться в адрес своих оппонентов или недругов[22]. Но Михайловского в

[20] Л. Е. Оболенский, «Муза Достоевского и муза Тургенева», 541–542.

[21] Более подробно об этом нами написано в *Ф. М. Достоевский в оценке русской демократической критики XIX века*, Vilnius: Petro ofsetas, 1998, 67–69.

[22] В этом контексте очень интересными являются суждения Оболенского по поводу русской эсте-

связи его концепцией жестокого таланта Достоевского критик назвал «недалеким». Однако стоит отметить обстоятельство, как нам представляется, характеризующее «интеллигентную» литературно-критическую манеру Оболенского: рядом с эпитетом «недалекий» фамилия Михайловского названа не была[23].

Оболенский, заявив о схожести своих религиозно-этических представлений с идеалами Достоевского, тем самым вступил в полемику со всей предыдущей литературной критикой, опровергавшей значимость идей писателя и не заметившей главного его стремления доказать правоту единственного и всеобщего идеала Христа. Оболенский не обратил внимания на тот факт, что ни Белинский, ни Добролюбов ничего не могли знать о таком идеале творчества Достоевского: в их время этот идеал еще просто не был писателем определен.

Литературная критика, писал Оболенский, – «в нашем малоразвитом обществе всегда заменяла публике философию, науку, этику [...], европейские идеалы доходили до публики только через литературную критику: Белинские, Добролюбовы, беседуя с толпой по поводу литературных произведений, обо всех вопросах жизни и мысли, держали общество на высоте общеевропейского сознания»[24]. Поэтому спорить и браниться по пустякам Оболенский считал недостойным для критика. Но разобраться в вопросах литературы, в том числе касавшимся творчества Достоевского, – это одна из важнейших задач времени. Ведь настоящая литература, пусть не в одиночку, но все же способна «двигать общество вперед», а «люди создаются, между прочим, и литературой»[25].

Одна из проблем, заинтересовавших критика, была связана с выходом книги О. Миллера и Н. Страхова *Биография, письма, заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского* (1883). Первая публичная биография писателя, для многих раскрывшая некоторые факты из его личной жизни, была встречена противоречивыми откликами[26]. Михайловский, например, в статье «Письма постороннего в редакцию «Отечественных записок» писал: «В общем, получается только соответственное впечатление, а не настоящее знакомство с личностью знаменитого покойника, потому что биографы слишком многое замолчали, смазали, утопили в выгодной для них, но отнюдь не для читателя неопределенности»[27].

Но если Михайловский, как видно из его статей, допускал возможность

тической критики. Однозначно отвергая метод критиков-эстетов, он все же не считал их исследования бесполезными для познания сущности искусства. Критик писал: «Чистое искусство, долженствующее составлять предмет исследования, есть только абстракция, необходимая для тончайшего определения законов явления в их чистоте и отдельности, как и во всех других науках» («Искусство и тенденциозность», *Русское богатство* 5–6, 1883, 532.)

[23] Л. Е. Оболенский, «Примечания к 'Записным книжкам Ф. М. Достоевского'», *Русское богатство* 1, 1883, 1.

[24] Л. Е. Оболенский, «О причинах падения нашей литературы», 214.

[25] *Там же.*

[26] А. М. Скабический, критик-народник, в *Истории новейшей русской литературы* (1891) также пытался осветить творчество разных писателей, используя их письма, воспоминания современников. Однако в главе, посвященной Достоевскому, уже тогда читатель не нашел ничего существенно нового.

[27] Н. К. Михайловский, «Письма постороннему в редакцию *Отечественных записок*», *Отечественные записки* 1, 1884, 108.

использования биографического материала в процессе толкования творческого наследия писателя (жестокость таланта Достоевского критик объяснял отчасти и годами, проведенными на каторге), то Оболенский изучение биографических фактов считал лишним для литературной критики. В статье «Муза Достоевского и муза Тургенева» критик писал: «Не отрицая вовсе значения за биографиями и биографическими комментариями писателя, мы полагаем, что их значение более научное, биологическое, антропологическое, но не литературное и критическое»[28]. Через три года критик вернулся к той же проблеме и еще раз уточнил свою точку зрения: «Когда изучаются произведения какого-либо выдающегося человека, их можно изучать с несколькими целями: во-первых, нас может интересовать личность или идеи самого человека, т. е., определение – что такое он сам? Во-вторых, нас могут интересовать его идеи – как отражение жизни в зеркале его опыта, и мы изучаем идеи писателя для уяснения себе окружающей жизни»[29].

По Оболенскому, углубление в биографию художника может оказать для критика плохую услугу: он может не устоять перед соблазном отождествления реальных событий из жизни писателя с тем, что изображено в его художественных текстах. Настоящий писатель, как считал Оболенский, никогда не говорит лишь о своих переживаниях. Автор и его герой – это разные величины, о них нельзя судить, применяя одинаковые критерии, как это делал, например, Михайловский. В процессе художественного творчества, по Оболенскому, субъективное мировосприятие художника накладывается на весь обобщенный, классифицированный веками человеческий опыт, вступая с ним в сложнейшие отношения. Задача критика – указать на оригинальную идею художника, которая рождается в этом взаимодействии субъективного с объективным. Великими становятся те, чьи идеи появляются вовремя, т. е. те, чьи субъективные тенденции созвучны объективным тенденциям времени.

Изучив множество литературных произведений, в том числе и *Записки из мертвого дома*[30], Оболенский пришел к важным заключениям. С его точки зрения, «цель поэта – передать вам впечатления [...] от целого события в том виде, как, по его мнению, это событие должно было переживаться всеми лицами, в нем участвовавшими и видевшими его»; «сущность искусства состоит не в объективной, а в субъективной типичности, т. е. в том, чтобы впечатления были верны типу того человека, от лица

[28] Л. Е. Оболенский, «Муза Достоевского и муза Тургенева», 518.

[29] Л. Е. Оболенский, «Обо всем», *Русское богатство* 1, 1887, 181.

[30] Интересно и, как нам представляется, важно, что в одной из самых теоретических своих статей «Искусство и тенденциозность» Оболенский упоминает лишь *Мертвые души* Н. В. Гоголя и *Записки из мертвого дома*. Выбор гоголевского произведения в данном контексте действительно удачный. Оно одно из немногих в русской литературе подходит под теорию критика о «синтетической эмоции» (смотреть далее в тексте). Выбор же произведения Достоевского, скорее, всего, был обусловлен традицией русской демократической критики считать именно *Записки из мертвого дома* вершиной творчества писателя. Хотя, как видно из других статей, лучшие примеры для подтверждения своих суждений критик всегда находил в *Братьях Карамазовых*.

которого созерцается явление»[31]. Получается, что Оболенского волновала проблема отражения происходящего в произведении глазами того или иного героя, а не всезнающего автора. Это еще не мысль о том, что «герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого»[32], но нельзя не заметить точек соприкосновения между мыслями Оболенского и будущей концепцией Бахтина.

Свою теорию «синтетической эмоции», которая и есть суть всякого произведения, критик объяснял следующее: читатель переживает целый комплекс эмоций, «как пережило бы какое-нибудь высшее существо, имеющее силу читать сразу во всех сердцах и в то же время отвечать сочувствием всем. Эта общая, сложная, синтетическая эмоция, т. е. сумма и результат всех частных эмоций, есть, конечно, и эмоция самого художника, полученная им от всего события. Очевидно, что цель тех частных эмоции, которые он заставил вас пережить за всех, состояла в том, чтобы заставить вас пережить и эту свою общую синтетическую эмоцию, как равнодействующую всех частных и личных, – как их безличный, синтетический итог. Поэтому даже плохие наблюдатели замечали, что у великих художников почти не бывает ни абсолютных злодеев, ни абсолютно добродетельных людей. [...] Этим достигается наивозможная правда изображения»; «Особенность художника в том, что он переживает явление со всех точек зрения, читая в душах у всех, видя одновременно их все, со всем дурным и хорошим, смешным и ужасным. Он действительно, точно всепроницающий Бог, видит или стремится видеть все...»[33].

Оболенский, как нам представляется, здесь вплотную приблизился к основным проблемам поэтики Достоевского, впоследствии изложенным в знаменитом труде М. М. Бахтина. Акценты, поставленные Оболенским на чувственном, а вслед за этим и этико-философском восприятии мира, тогда, в начале 80-х, конечно, не имели ничего общего с будущей бахтинской полифонией, да и критик *Русского богатства* ставил себе совсем другие, социологические задачи. Однако сам принцип полифонической одновременности происходящего в произведении, хотя бы ощупью, но все же был уже Оболенским намечен.

Оболенский никогда не скрывал, что в литературном произведении его интересует исключительно тенденция писателя. Критика, писал Оболенский в «К предыдущей статье», «не имеет права [...], совершает преступление, если она возвеличивает и хвалит художника только за то, что он хороший художник, не вникая в ту морально-гражданскую личность его, которая сказывается в его произведениях. Наоборот, это должно быть первым вопросом, а то, каков он, как художник – есть второй вопрос, вытекающий из первого»[34]. Более того, Оболенский считал, что «сколько бы не вопили чистые эстетики, им никогда не

---

[31] Л. Е. Оболенский, «Искусство и тенденциозность», *Русское богатство* 5–6, 1883, 568.

[32] М. М. Бахтин, *Проблемы творчества/поэтики Достоевского*, Киев: NEXT, 1994, 45.

[33] Л. Е. Оболенский, «Искусство и тенденциозность», 551–557.

[34] Л. Е. Оболенский, «К предыдущей статье», *Русское богатство* 12, 1890, 143.

добиться того, чтобы люди ограничивались одной эстетической критикой и не выдвигали бы вперед вопроса о самом предмете изображения, о глубине захвата художником этого предмета, и об отношении художника к этому предмету, как личности моральной и гражданской»[35].

Суть социологического метода Оболенского во многом объяснил некто, подписавшийся инициалами Н.Г. в статье «Задачи литературной критики»[36]. Для ее автора «задача художественной литературы исчерпывается воспитанием в человеке альтруистических чувств. [...] Побочные влияния нисколько не входят в задачи искусства и не должны давать основания для навязывания ему тех или иных правил»; «Реально каждый человек переживает только одну жизнь; через посредство художественной литературы он переживает тысячу жизней. [...] Задача творчества – насколько это возможно, сравняться по силе производимых впечатлений с самой действительностью»[37]. Такие же узкие, строго регламентированные требования отводились и литературной критике: «Литературная критика пользуется впечатлением, произведенным романом, повестью, для своих целей, ничего общего с искусством не имеющим [...] Литературная критика исследует явления, изображаемые художником так, как бы это были явления подлинной действительности. [...] Литературная критика: это публицистика, берущая материалом для своих рассуждений и исследований вместо данных истории, статистики, социологических описаний – образы, созданные художником, столь же истинные»[38].

Эта в основе своей вульгаризированная выжимка социологической эстетики Добролюбова, одного из самых почитаемых Оболенским критиков, конечно, не могла его полностью устроить, и таким образом родилась статья под названием «К предыдущей статье» (напечатанная в том же номере), где уже Оболенскому, сторонника того же самого социологического метода, пришлось «смягчать» высказывания Н. Г. и подчеркивать значимость отношения художника к изображаемому явлению. Автор художественного произведения, с точки зрения Оболенского, – главное звено в процессе литературного осмысления жизненных явлений. И критику иногда приходится жертвовать своими убеждениями, чтобы как можно лучше раскрыть писательскую тенденцию, без которой не может обойтись ни один художник. «Отрицать тенденциозное искусство, – писал он, – также нельзя, как отрицать воздух, свет, воду. Оно всегда было, есть и будет, пока есть борьба, пока есть идеи. [...] Тенденциозность в искусстве является там, где выступает человек»[39].

Итак, с точки зрения Оболенского, истинная критика должна быть одновре-

[35] *Там же.*

[36] Словарь псевдонимов И. Ф. Масонова не разъясняет, кто скрывается под этими инициалами. Нужно сказать, что Оболенский, как и многие редакторы журналов того времени, не очень любил публиковать теоретические статьи других авторов. Но эта статья, скорее всего, была напечатана Оболенским по причине совпадения основных ее положений с его собственной литературно-критической концепцией.

[37] Н. Г., «Задачи литературной критики», *Русское богатство* 12, 1890, 129–131.

[38] *Там же*, 133–137.

[39] Л. Е. Оболенский, «Искуство и тенденциозность», 531–532.

менно социологической и философской. «Критика, – обобщая свои литературно-критические суждения писал Оболенский, – [...] есть социологическое и философское искусство, [...] эстетическая и всякая другая критика есть только подготовительная ступень критики социально-философской.»[40]

Но это были в основном теоретические суждения. На практике Оболенскому с трудом удавалось совмещать социологическое с этико-философским. В основном только в статьях о Достоевском ему удавалось оторваться от вопросов повседневности и приблизиться к тем религиозно-нравственным исканиям, которые характеризовали мысль о Достоевском рубежа веков; в статьях же о современной ему литературе критик оставался типичным критиком-народником, обеспокоенным современным состоянием общества[41].

Оболенский в период руководства им журналом *Русское богатство* много внимания уделял и деятельности Л. Н. Толстого. Интересно, что критик в цикле статей «Идеалы современной жизни и литературы» одним из первых предпринял попытку, в последствии ставшую хрестоматийной, параллельно рассматривать деятельность Л. Толстого и Достоевского[42]. Правда, Оболенскому тогда не удалось найти тот стержень, позволяющий с одинаковых теоретических позиций исследовать творчество обоих писателей, но будущие пути изучения прошлого русской литературы все же были им намечены. А осуществить намеченное помешало или то, что Оболенский, как и Мережковский, придерживался принципа «суд живых над живыми всегда не прав»[43], или то, что Толстой интересовал Оболенского в основном как автор произведений для народа, как писатель, в творчестве которого отразилось противоречивость целого народнического движения.

Оболенский, как и некоторые другие деятели этого направления, не акцентировал своей принадлежности к этому явлению, хотя и не отрекался от него, как это делал Михайловский[44]. Оболенс-

---

[40] Л. Е. Оболенский, «Обо всем», 183.

[41] Основные литературно-критические выступления Оболенского, посвященные проблемам народнического характера: «О нашей философии и народничестве» (*Русское богатство* 3, 1883), «К вопросу о насилии» (*Русское богатство* 5, 1886), «Русская мыслебоязнь и критика Л. Толстого» (*Русское богатство* 8, 1886), «Основные начала философии Толстого» (*Русское богатство* 9, 1886), «Мораль и социальные взгляды Толстого» (*Русское богатство* 10, 1886), «Два слова о драме Решетникова» (*Русское богатство* 2, 1887), «Интеллигентская неумелость» (*Русское богатство* 11, 1887) и др.

[42] Одна из первых попыток сопоставить творчество Достоевского и Тургенева принадлежит тоже перу Оболенского («Муза Достоевского и муза Тургенева»).

[43] Д. С. Мережковский, *Было и будет: Дневник*, Спб.: Дп, Пр., И. Д. Сытин, 1915, 382.

[44] Оболенский считал, что «точного и определенного идеала, который бы удовлетворил всем требованиям науки, народничество не определило, а наметило только направление или путь, в каком надо искать черт этого идеала» (Л. Е. Оболенский, «Идеалы современной жизни и литературы», 11, 198); Михайловский же в конце своей деятельности открыто отказался от причисления себя к народникам из-за затасканности самого определения. Народниками тогда себя называли многие: славянофилы, толстовцы, даже Мережковский после окончания университета собирался уйти в народ. Об эклектичности народнического движения свидетельствует и тот факт, что Оболенский и Михайловский, которых принято характеризовать как критиков-народников, считали себя оппонентами. Это отразилось прежде всего на деятельности журнала *Русское богатство*, которым в 1892 г. после ухода Оболенского стал руководить Михайловский.

кий не случайно пришел в журнал *Русское богатство*, орган народничества. Через несколько лет, в 1897 г., уже, будучи сотрудником *Одесского листка*, он настаивал, что идеология народничества не могла исчезнуть: «рухнула лишь славянофильская ее разновидность, а не западническая, основной принцип которой есть служение народу в силу долга интеллигенции перед народом»[45]. И Достоевский для него был типичным новым народником. «Достоевский видел идеал морали в любви, прощении, терпении, – повторял Оболенский, – и полагал, что таковы же существенные черты исторического характера народа.»[46]

Оболенский, как никто другой в русском литературно-критическом процессе, отражал его переходный характер. Социологический метод им был доведен до предела, и в то же время намечены новые этико-философские, религиозно-философские пути постижения литературного творчества. Поэтому такому переходному явлению и не нашлось места в истории литературы и критики. Дело даже не в рода его выступлений (история русской литературы помнит сочинения разного качества!). О нем просто забыли. Поэтому хотя бы ради восстановления справедливости или, скромнее, с целью уточнения хронологической последовательности как в литературной критике в целом, так в истории русского достоевсковедения в частности, имя Оболенского должно быть возвращено читателям.

[45] Л. Е. Оболенский, «О *Жизни*», *Одесский листок*, 26 июля, 1897, 2.

[46] Л. Е. Оболенский, «Идеалы современной жизни и литературы», 11, 199.

UŽMIRŠTI LITERATŪROS KRITIKOS PUSLAPIAI

Dagnė Beržaitė

Santrauka

Šiame straipsnyje aptariama šiandien mažai žinomo XIX a. pabaigos rusų literatūros kritiko, publicisto, rašytojo ir filosofo Leonido Obolenskio veikla. Jo redaguojamas žurnalas *Russkoe bogatstvo* (1882–1892) buvo itin populiarus Rusijoje kaip vienintelis tuo metu demokratinių (narodnikų) idealų skleidėjas. Tęsdamas savo pirmtakų, demokratinės krypties literatūros kritikų, veiklą, Obolenskis straipsniuose išsamiai nagrinėjo ir Rusijos visuomenės, ir konkretaus literatūrinio teksto problemas. Tačiau didžiausią dėmesį jis skyrė Fiodoro Dostojevskio kūrybai, kurios svarbiausias tikslas, pasak kritiko – Kristaus idėjos iškėlimas ir jos ryšio su visuomenės gyvenimu atskleidimas. Savo straipsniuose Obolenskis bandė sujungti to meto literatūros kritikai įprastą sociologinį metodą su dar tik besiformuojančiu religiniu ir filosofiniu nagrinėjimu. Tai leidžia teigti, kad Obolenskio straipsniai, geriau negu kieno nors kito, atspindi pereinamąjį to meto rusų literatūros kritikos pobūdį.

FORGOTTEN PAGES OF LITERARY CRITICISM

Dagnė Beržaitė

Summary

The article deals with the problems concerning literary critical essays written by Leonid Obolensky. He was one of the most famous critics at the end of the 19th century. He was also known as an editor of the well-known literary magazine *Russkoe bogatstvo* (1882–1892), which represented the position of Russian democratic movement (narodniki) at that time. Obolensky in his articles discussed the most important literary problems, such as the problem of literary idea, tendency, the connection between art and life of society, the problem of writer and his voice and etc. According to Obolensky Dostojevsky was a writer who told the main word in Russian literature. The ideal of Christ was the main ideal in Dostojevsky's novels. And this ideal had to become the main ideal for the whole Russian society. Obolensky tried to connect sociological and philosophical methods in his articles. That is why his works of literary criticism can be examined as the expression and the illustration of literary criticism in general at the end of the 19th century.

Получено: 2002, октябрь
Принято к публикации: 2002, ноябрь

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
ул. Университето 5
LT-2734 Вильнюс
E-mail: Dagne.Berzaite@flf.vu.lt